

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ: ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ?

АНОТАЦІЯ

У статті автор розмірковує про сучасну культуру та стан історичної свідомості. Стверджується, що песимізм став їхньою характерною рисою. На думку автора, це перешкоджає виконанню історією своїх соціальних функцій. Робиться висновок про те, що історичний оптимізм є найважливішим принципом в процесі пізнання минулого, консолідації наукової спільноти істориків та здійснення ними соціальних і дидактичних завдань.

Ключові слова: сучасна культура, криза історизму, історична свідомість, історичний оптимізм, цілепокладання історика.

АННОТАЦИЯ

В статье автор размышляет о современной культуре и состоянии исторического сознания. Утверждается, что пессимизм стал их характерной чертой. По мнению автора, это препятствует выполнению историей своих социальных функций. Делается вывод о том, что исторический оптимизм является важнейшим принципом в процессе познания прошлого, консолидации научного сообщества историков и осуществления ими социальных и дидактических задач.

Ключевые слова: современная культура, кризис историзма, историческое сознание, исторический оптимизм, целеполагание историка.

SUMMARY

In the article, the author reflects on the state of modern culture and historical consciousness. He argues that pessimism became their distinguishing feature. According to the author, this prevents history from performance of its social functions. The author concludes that the historical optimism is an essential principle in the process of learning about the past, as well as consolidation of the scientific community of historians and enjoyment of social and didactic problems.

Keywords: modern culture, crisis of historicism, historical consciousness, historical optimism, targeting of a historian.

Рассуждения о глобализации и ее последствиях, еще недавно столь распространенные в коммуникативном пространстве, в последнее время встречаются все реже. По крайней мере, на российском и украинском интеллектуальном пространстве чаще стали говорить о «своем», о «внутренних» проблемах и «собственных» перспективах. Что бы это значило? Наверное, в этом можно видеть попытки самоорганизации, поиск своих преимуществ и т.п., но, скорее, данный факт свидетельствует об очередном разочаровании. Действительно, на смену биполярному миру, не пришла «планетарная общность» с всесторонним сотрудничеством и взаимопомощью, как это виделось оптимистам. Кто-то резонно заявляет, что человечество вернулось к старому опыту империализма. Усиление конфронтации в мире, обострение социальных проблем и многое другое только усиливают пессимизм. Соответственно, иным цветом окрасились не только будущее и настоящее, но и прошлое. Но значит ли это, что профессиональные историки непременно должны идти в фарватере таких общественных настроений? Или, независимо от них, делать свою работу в соответствии с теми социальными функциями, которые на них возложены? Но есть ли в принципе какие-то особые функции у историков, кроме тех, которые сопровождаются словами «хранить» и «передать»? Попытаемся ответить на эти вопросы.

I. Современная культура. Вначале следует остановиться на характеристиках современной культуры. Современную культуру называют посткультурой, а основной ее

характеристикой многим ученым видится тотальное торжество симулякра. Действительно, сегодня различные «обманки» (изображения, символические действия, идеомифы, создающие разнообразные иллюзии), не только порождают соблазны, но, в известном смысле, определяют состояние культуры. По мнению Е.Н. Шапинской, это «...приводит к триумфу следствия над причиной, мгновенности над глубиной времени и поверхности над глубиной желания. При отсутствии постоянства в этом фрагментированном и эфемерном мире все – от литературы до товарооборота – превращается в языковую игру, в мир гиперреальной симуляции. В результате происходит полная заменяемость ранее противоположных терминов – красивого и уродливого в моде, правого и левого в политике, истинного и ложного в масс-медиа, полезного и бесполезного на уровне объектов, природы и культуры, на любом смысловом уровне»¹. Безусловно, одной из важнейших основ этого процесса стала медиатизация культуры. Благодаря новым техническим возможностям, человек стал легко «перемещаться» во времени и пространстве, «превращать» одно состояние в другое, «реализовывать» свои фантазии. «Игры с разумом» приняли планетарный масштаб, поскольку медиа-пространство в современных условиях очень трудно удержать в «национальных границах». Даже если и можно говорить о каких-то границах в этом плане, то следует признать, что основные тенденции являются общими. Имеется в виду выработка новых наборов симулякров посредством эксплуатации присущих человеку любопытства, страхов и страстей. В частности, телевидение держит в напряжении своими «чрезвычайными новостями» и бесконечными боевиками, и, в то же время, на всех каналах увлекает кулинарными рецептами и развлекает дешевым юмором. И, конечно, важную роль играют сплетни о звездах, чтобы многие люди могли продолжать жить чужой жизнью и мечтать о праздности. Можно сказать, что мы наблюдаем победу консюмеризма, поскольку на наших глазах происходит увеличение объема «универсальных» элементов культуры на основе развития именно «потребительской культуры».

Наверное, можно говорить о том, что человек в этих условиях не лишен свободы выбора и, при желании, может сам выбрать свой путь (и даже из много большего числа вариантов, нежели ранее). И все же, если поставить данную проблему на уровень всего общества, то назвать эту медиа-вакханалию и потребительский бум свободой, на наш взгляд, нельзя. Наоборот, этот культурный хаос несет угрозу интеллектуальной свободе. Еще в конце 1960-х годов А.Д. Сахаров пророчески писал об «оболванивании человека «массовой культурой» с намерением или коммерчески обусловленным снижением интеллектуального уровня, с упором на развлекательность или утилитарность...»². Об этом же пишут и современные мыслители. В частности, Умберто Эко не сомневается в том, что культура находится в состоянии кризиса, ибо «порядок слов больше не соответствует порядку вещей». Порой кажется, что правы те, кто намекает на финализацию истории.

Не удивительно, что в современном обществе доминируют частные интересы, никто не готов заглянуть даже на десять лет вперед, все живут настоящим. Далеко идущие цели воспринимаются как что-то очень несерьезное, как чудачество. Вообще будущее все чаще стало ассоциироваться с новыми испытаниями и вызовами. В такое будущее перестали всматриваться, чтобы «не расстраивать себя раньше времени». Результатом боязни будущего стал пессимизм как явление культуры. Он укоренился на уровне и индивидуального, и коллективного сознания. Можно даже сказать, что сегодня сформировалась философия катастрофы. В полной мере она обслуживает и сферу истории: трагические ноты, социальные катастрофы часто определяют ее смыслы.

Наверное, и в этих культурных условиях кто-то неплохо себя чувствует, а кто-то может быть даже процветает и заинтересован в продлении такого состояния культуры. Кто-то строит на этом свою политику, о чем свидетельствуют, в частности, информационные войны, происходящие в мировом медиапространстве. Информационная машина, которая

¹ Шапинская Е.Н. 2012, 24.

² Сахаров А. Д. 1968.

обеспечивает победу в такой войне, поистине удивительное творение новейшего времени. В том числе, ее воздействие строится на основе определенной «политики памяти». В отличие от генной инженерии такие опыты с памятью не контролируются «общественностью», наоборот, общественность сама выступает «подопытным кроликом», на котором пробуют действие тех или иных «препаратов». Это весьма грозное и эффективное оружие, так как позволяет осуществлять «гуманитарную интервенцию», то есть побеждать «чужими руками», внося сумятицу в умы, обостряя отношения носителей различной памяти. Настраивая с помощью такой машины камертон памяти, создавая и разрушая различные «воображаемые сообщества», кажется, можно управлять миром. Но, лишь на первый взгляд, такая война более безопасна. Чем дальше, тем больше, становится понятно, что это оружие способно погубить весь мир, ведь для достижения «победы» используется арсенал упомянутой посткультуры. Слабым утешением могут быть слова Л.З. Копелева о том, что «...самые хитроумные политические обманы, тайные уловки, отвлекающие маневры, предательские диверсии и т.п. – любая бесчестная, безнравственная политика губит не только обманутых, но в конечном счете и самих обманщиков»³.

Кто-то считает, что такое состояние пессимизма или депрессии – обычное дело, что в истории можно наблюдать периодическую смену оптимизма и пессимизма. Но, в таком случае, может быть пора поискать основу для перехода к оптимизму? Ведь кроме удовлетворения плотских потребностей и природного любопытства человеком движут и иные интересы. Разве благородные цели уже не интересуют людей? Разве в реальности есть только развлечения и цинизм? Ценно лишь то, что продается? Мы же из собственного опыта знаем, что человек стремится обрести твердую почву под ногами и чувство общности с другими. Человеку свойственно стремление к солидарности. И в этом плане важную роль играет целеполагание и, связанный с ним, бинаризм («мы»-«они»). Известно также, что беспокойство у человека катастрофически нарастает по мере того, как различия перестают быть такими четкими, как раньше, а ориентиры теряют ясность. Человек останавливается, ибо не знает, куда идти дальше, ему кажется, что выхода нет. Безысходность же угнетает.

Не случайно, в последнее время наблюдается отход от неолиберализма и возрождение праворадикальных идей и движений. И в этом случае также свою роль играет обращение к истории. Как уже упоминалось, политика памяти часто имеет целью создание, консолидацию или разрушение тех или иных «воображаемых сообществ». Праворадикальная риторика, взывающая к глубинным пластам сознания и предлагающая «простые» способы упорядочивания мира, является действенным средством такой консолидации социума. Однако в современную эпоху такое конструирование, которое основано на национальных/конфессиональных основах, - это, безусловно, путь к конфронтации. Ибо такое конструирование непременно сопровождается поиском не только «другого», но и «чужого», а затем и созданием образа врага. Такое конструирование предполагает четкие бинарные оппозиции и бескомпромиссность в отстаивании своих ценностей. Но в условиях расширения мультикультурности это чревато перманентной борьбой. Такое «созидание» обязательно обернется разрушением. Современная Украина является тому явным примером. За более чем 20 лет независимости Украина фактически раскололась благодаря такой «политике». Герои и антигерои, достижения и просчеты, «свое» и «чужое» существенно отличаются (а подчас диаметрально противоположны) в западной и восточной частях Украины. Попытки создать «общую» украинскую идентичность по лекалам интегрального национализма первой половины XX в. выглядят не только архаичными, но и опасными. За это время выросло целое поколение людей, которое готово отстаивать незыблемость «своих ценностей» и преподносить их как единственно возможные. Но как быть с другими поколениями? А с «другими» народами, населяющими Украину? Мы же понимаем, что локальные компоненты объединены различными типами связей, выстроить которые в иерархическую систему невозможно, да и не нужно. Любые попытки в этой сфере

³ Копелев Л. 1995, 231-232.

применить силу создают напряжение и оборачиваются деструктивными последствиями. В результате таких усилий Украина превратилась в зону нестабильности, как, наверное, кому-то и хотелось.

И все же человеку свойственно жить надеждой на лучшее, на завтрашний день и задумываться при этом не только о своем собственном благополучии. Жизнь продолжалась, может быть, именно потому, что «надежда умирает последней», потому что всегда были те, кто мечтал и надеялся. Ведь не хлебом единым жив человек. Как сказал Гёте, «высокие цели, хотя бы невыполненные, дороже нам низких целей, хотя бы достигнутых». Эти размышления заставляют нас идти дальше и говорить о том, что же может придать жизни высшую полноту. Очевидно, что таким «моментом истины» может быть только история. По словам того же Гёте, «величие человека заключается в том, что он – единственное из всех творений, способное превратить мгновение в вечность».

Таким образом, культура не может развиваться без высоких целей, без идеалов. В последнее время, по мнению исследователей, наметился сдвиг от посткультуры к неокультуре, основанной на пока призрачной новой целостности. Но эта тенденция пока еще слабо выражена. Свою роль в становлении неокультуры может сыграть и история.

II. Культура и история. Культура и историческое сознание связаны невидимыми нитями в одно целое. В условиях посткультуры, о которой шла речь, происходит «размывание истории», то есть все прошлое выглядит как игра фантазии. Давно отброшенной оказалась идея прогресса. Фрагментация исторических знаний видится основной чертой современной историографии⁴. Следует признать, что в этом случае история утрачивает свои социальные функции. Она попросту не нужна. Она не нужна даже на уровне семьи, ведь у каждого члена семьи есть свои планы и свой индивидуальный опыт, ведь каждый человек является центром «своего» мира. Собственно, такую дискредитацию истории можно видеть повсеместно. «Социально-политическую» функцию теперь преимущественно выполняют науки «короткого времени» (политология, социология). О «национально-патриотической» функции истории сегодня говорить также сложно. При ориентации на принципы тернарной культуры и мультикультурализма, в условиях возникновения все новых «воображаемых сообществ», она трудно реализуема и трактуется как признак архаичности исторической науки. Прогностическая функция истории также весьма сомнительна. Уж очень динамичным стал мир, чтобы давать ему советы из прошлого для будущего. Над этим посмеялся еще О. Шпенглер: «Мы немцы, ... страдали этой болезнью больше, чем любой другой народ. Разве мы не обращались постоянно за советами к древним германцам, к крестоносцам, к эллинам Гельдерлина, когда хотели знать, что нам нужно предпринять в век электричества?»⁵.

Кризис историзма, начавшийся в середине XX в., – это, по сути, кризис в понимании социальной функции исторической науки в новых культурных условиях (кризис целеполагания историка). Да, историческая наука живет старой внутренней жизнью и отстает от происходящих вокруг глобальных процессов. Порой складывается впечатление, что историки не видят как меняется мир и продолжают выполнять функции, характерные даже не для XX, а XIX века. Они продолжают бороться друг с другом, прежде всего по причинам политического, национального или этнического характера. Как отмечает Р. Тоштендаль, «Немногие стали бы отрицать, что история как дисциплина по своей внутренней структуре менее интернациональна, нежели физика или даже социология. Она ограничена языками, культурами и самим феноменом прошлого как таковым. В каком-то смысле она даже ближе к юриспруденции, чем к естественнонаучным исследованиям. Вопреки попыткам придать истории всемирную перспективу, обычной ориентацией историописания была история национальная»⁶.

⁴ Запкільняк Л. О. 2007, 64.

⁵ Шпенглер О. 1991, 96.

⁶ Тоштендаль Р. 2012, 93.

Но все же определенные изменения произошли. Отчасти, о них уже шла речь. Для их понимания нужно вернуться к характеристике связки прошлое-настоящее-будущее. По замечанию П. Нора, «...упрощая, можно сказать, что было три модели представления о будущем, которые, в свою очередь, определяли лицо прошлого. Будущее представляли как реставрацию прошлого, как прогресс или как революцию. Сегодня от этих трех интерпретационных моделей, позволявших так или иначе организовать «историю», отказались. Над будущим нависла отныне абсолютная неопределенность»⁷. По его мнению, конец всякой телеологии истории возложил на настоящее тот «долг памяти», о котором нам без конца твердят. Отсюда и акцент на частном опыте, который доминирует при определении функций исторической науки. На первый взгляд, такие задачи вполне приемлемы. Но, все же придется согласиться с теми мыслителями (например, Ж.-Ф. Лиотаром), которые высказывали и высказывают опасение, что атомизация (разобщенность) людей, как следствие утверждения микро-нарратива и языковых игр, ведет к краху этики. Впрочем, как известно, тот же Лиотар считал, что задачей социальной политики является не насильственная унификация множественности в единое «коллективное тело» социума и даже не поиск универсального языка для возможности диалога между ними, но сохранение именно этой разнородности, поддержка практики различных «языковых игр». Однако, на наш взгляд, крах этики равносителен концу истории. Характеризуя книгу Умберто Эко «Маятник Фуко», Г. С. Кнабе отметил, что она не о мистических сектах или подпольных организациях, а об ужасе и гибельности, которые несет в себе произвольное, шутивно-ироническое конструирование исторической реальности вне понятия истины и ее критериев, вне нравственной ответственности перед ней и перед рациональным началом европейской духовности⁸.

На повестку дня поставлена задача формирования планетарной этики как составной части новой культуры. Когда-то И. Кант произнес широко известные ныне слова: «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом – звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Если у человечества есть будущее, то оно непременно связано с освоением «звездного неба» и утверждением более совершенного «нравственного закона». В связи с этим, в одной из статей⁹, я высказал мысль о том, что пришла пора взглянуть на историю как на союз опыта и цели. Именно на этой основе возможно формирование солидарности нового типа. Но, собственно, об этом говорят сегодня многие исследователи. Л. П. Репина отметила, что диалог с прошлым может не просто отражать, но и преобразовывать реальность посредством «проработки» опыта прошлого¹⁰. При этом «опыт» нужно понимать не только шире обычного (частного) опыта, но даже такого, который аккумулирует деятельность больших сообществ. Как подчеркнул Й. Рюзен, «нам нужна идея единства исторического опыта»¹¹. Эта идея, как нам представляется, не будет предназначенной «на все времена», но будет устремлена в будущее. Не абсолютизируя и не отбрасывая никакой опыт, она может стать основой конструирования новых идеальных типов, позволяющих соизмерять настоящее.

Вообще методологи истории заметили: если Дильтей (а ранее Гегель) считал, что смысл жизни и существования можно осознать лишь через призму прошлого времени (поскольку мы сформированы прошлым), а Гуссерль подчеркивал приоритет нынешнего времени в нашем мышлении, то Хайдеггер на первое место выводит мышление в категориях будущего, соответственно и идентичность сегодня видится в контексте программ будущего¹². И основой таких программ может стать концепция гуманитарно-ноосферного характера цивилизации будущего, которая разрабатывалась рядом мыслителей, в частности

⁷ Нора П. 2005. № 2-3 (40-41).

⁸ Кнабе Г.С. 2006, 952.

⁹ См.: Посохов С. И. 2013.

¹⁰ Репина Л. П. 2007, 14-15.

¹¹ Рюзен Й. 2001, 24.

¹² Топольский С. 2012, 362.

В. И. Вернадским, Элвином Тоффлером и др. То есть от абсолютизации государства и нации следует перейти к приоритетному значению человека и человечества. Очевидно, что практика реализации этих программ невозможна без обращения к истории. В сложном и противоречивом 1918 р. классик украинской историографии М. С. Грушевский мечтал о следующем: «Когда в чьих-то руках эта (социально-воспитательная) сторона истории может вырождаться в орудие людоедского шовинизма, национальной исключительности и урапатриотизма, то в руках наших педагогов и нашей организации образования оно должно послужить победе и закреплению идей и настроений гуманности, демократизма и социализма»¹³. С тех пор прошло почти сто лет, но сделано в этом плане было не так много, как хотелось бы.

Речь идет, таким образом, о реабилитации понятия «идеология». Практика тоталитарных обществ существенно подорвала позитивные коннотации данного понятия. Тем не менее, уже потребности координации усилий всего социума или его части требуют провозглашения и аргументации неких общих целей. В последние годы в обиход вошло понятие «ситуативных знаний», разработанное Д. Хэрвэй. Согласно этой концепции, все знание, включая и научное, является частичным, продуцированным определенными группами и лицами в определенных целях в определенных контекстах. Знание не может претендовать на достижение некоего «взгляда ниоткуда»¹⁴. В полной мере это касается и «истины»: есть все основания говорить о консенсусной концепции истины¹⁵ и размышлять о способах ее конструирования и согласования.

Вот почему и на идеологию следует смотреть как на квинтэссенцию организационного опыта человечества. Именно такой точки зрения придерживался А. А. Богданов. Он считал идеологию «исторически организованным опытом». Понимание идеологии у Богданова тесно связано с активным проявлением организационной функции в обществе («это система *организующих форм* производства, иначе говоря – *организационных орудий* общественного бытия людей»¹⁶). В этом случае идеология – это та организующая форма, которая связывает людей с их социальным целым, которая ограничивает и примиряет их противоречия с ним настолько, чтобы целое могло жить и развиваться¹⁷. Такой взгляд не только оправдывает идеологию, но и делает ее залогом успешного развития общества. Конечно, в данном случае «успех» никак не связан с «частным успехом» в современном понимании (как основы для увеличения потребления). Как тут не вспомнить А. Эйнштейна: «Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл». К тому же, сегодня нужна идеология не господствующих национальных или социальных групп, мечтающих сохранить это господство, но «идеология людей, творящих планетарную историю», т.е. идеология иного качества.

Традиционно историю называли «служанкой идеологии». Кажется, пришло время поменяться им ролями. Новые исторические опоры, по мнению ряда историков, требуют принципиально новой «мифологии». Именно выстраивание смыслов (формирование «новых метафор»¹⁸), которые позволяли бы гармонизировать человеческую общность и в узком, и в широком понимании этого слова, может уже сегодня называться основной функцией истории. О том, что метафоры являются не просто словами свидетельствует хотя бы такие историографические метафоры как «империалистическая война», утверждение которой в умах людей привело к тому, что солдаты враждующих армий стали покидать свои окопы, чтобы «брататься» друг с другом, и «неполноценные народы», которая через непродолжительное время позволила с необычайной жестокостью убивать себе подобных.

¹³ Грушевський М. С. 1991, 183.

¹⁴ Шатинская Е. Н. 2012, 11.

¹⁵ Вжосек В. 2012, 160.

¹⁶ Богданов А. А. 1990, 324.

¹⁷ Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р. 2008, 160.

¹⁸ По словам В. Вжосека, «новые метафоры» являются «локомотивами мировоззренческих ценностей» Вжосек В. 2012, 194.

Конечно, на пути выработки таких метафор и построения на их основе новых культурных практик предстоит преодолеть еще немало трудностей, поскольку эти интеллектуальные конструкции, выступающие в роли макромоделей, требуют не только творцов, но сообщества, которое способно творчески применять их в ходе анализа новаций и гармонизации таковых с имеющимся опытом.

III. Исторический оптимизм как познавательный, этический и дидактический принцип. Вообще удивительно, что в нашем стремительном мире оптимистические перспективы не обсуждаются. Разве только те, которые «с сегодня на завтра» и только частные. Когда-то А. П. Чехов сказал, что «русские обожают прошлое, ненавидят настоящее и боятся будущего». Сегодня многие люди ненавидят и прошлое, и настоящее и по-прежнему боятся будущего. Такие общественные настроения оставляют мало шансов для этого будущего...

В последние годы на постсоветском пространстве было приложено немало усилий для демонтажа старых идейных конструкций, но совсем мало – для строительства новых, устремленных в более-менее отдаленную перспективу. В таких условиях историкам сложно выполнять свои социальные функции, разве только оставаясь на старых традиционалистских началах. Однако важнейшая задача историков сегодня, как уже отмечалось, состоит не в том, чтобы отстоять право «своей общности», а в том, чтобы гармонизировать разнообразные общности, которые все активнее взаимодействуют друг с другом. А это, в свою очередь, значит, что необходимо гармонизировать прошлое, настоящее и будущее. И сделать это можно только на основе исторического оптимизма, то есть, с надеждой глядя в будущее. Опережая возможные скептические реплики по поводу такой позиции, в качестве ответного аргумента приведем слова Л. З. Копелева: «Призывы и мысли великих человеколюбцев ободряли подвижников, утешали страдальцев, помогали жить людям разных эпох, разных народов. Но «трезвые» политики, ученые и предприниматели не позволяли себе увлекаться прекрасными, однако несбыточными мечтами. Сегодня эти мечты – последняя надежда человечества»¹⁹.

Другими словами, будущее начинается с того момента, когда мы делаем тот или иной, осознанный или неосознанный шаг: «свободен первый шаг, но мы рабы второго» (Гёте). Очевидно, что ходить безопаснее и продуктивнее с открытыми глазами, дорожной картой и пониманием целей маршрута. Более того, вызовы современности часто не оставляют нам много времени для раздумий. Все возрастающая скорость общественных процессов требует от интеллектуалов и организаторов-практиков слаженных и четких действий, требует программы, четкого понимания стратегии и тактики. Применительно к истории это отнюдь не есть возвращение к формуле «история – наставница жизни». Речь идет о формировании «планетарных ценностей», а вместе с ними и нового способа мышления. В известном смысле можно согласиться с Евой Доманской: задача состоит в том, «чтобы посредством обращения к истории создавать желаемые образы будущего, когда история содействует процессу генерации микроутопий»²⁰. Сразу замечу, что не имею ввиду фальсификацию истории, но определенное понимание истории.

Конечно, возникает вопрос: а применительно к катастрофам в истории разве может быть оптимистичная проекция? Предлагаем в этом случае вспомнить О. Шпенглера. Вообще, у него много ценных мыслей об историческом оптимизме, хотя его работа и называется «Пессимизм» (впрочем, со знаком вопроса). Так вот он отметил: «Существуют люди, которые смешивают гибель античности с гибелью океанского парохода. Понятие катастрофы не содержится в указанном слове. Если мы заменим слово «гибель» словом «завершение» ... то тем самым устраним связанную с ним пессимистическую окраску, несколько не меняя подлинного содержания понятия»²¹. Как известно, разрывов в истории не бывает. Вспомним известную песню В. Высоцкого:

¹⁹ Копелев Л. 1995, 225-226.

²⁰ Доманська С. 2012, 213-214.

²¹ Шпенглер О. 1991, 90.

«Разрывы глушили биенье сердец,
Мое же – мне громко стучало,
Что все же конец мой – еще не конец:
Конец – это чье-то начало».

Другими словами, нам следует воспользоваться постмодернистским принципом центрации, но с тем условием, что «центром» становится идеальная конструкция – желаемое будущее. Мы должны увидеть корни тех цветов, которые зацветут в будущем и тем самым приближать весну. Прошлое можно и нужно изучать через такую оптимистичную призму.

Подобным образом можно смотреть даже на национал-социализм. Оптимистичным является, в частности, крах национал-социализма. То есть речь не идет о «нормализации образов Сталина и Гитлера», а о торжестве гуманизма. Да, тоталитаризм был исторически обусловлен и смог консолидировать общество для решения ряда масштабных задач. Но эта система (система полного огосударствления) попирала права личности, сдерживала свободу самовыражения и потому была обречена. Вот так, например, можно формулировать «оптимистичный взгляд».

К слову, заметим, что у нас перестала обсуждаться тема «капитализма» и «социализма». Между тем, эти понятия представляются ценными. Это такие идеальные типы, которые позволяют соединять принципы общественного устройства и общественные устремления. Эти понятия едва ли не впервые обозначили проект будущего, который стал понятен обычному человеку и который далеко выходил за рамки только материального благополучия, о чем в лучшем случае принято говорить теперь при обсуждении социальных перспектив. Не случайно, современные западные исследователи используют эти понятия. Например, среди угроз современного мира называют «глобальный капитализм»²². Понятен нигилизм современных историков, когда речь заходит о социализме, но в таком случае многое в общечеловеческой культуре также придется отвергнуть только потому, что кто-то этим злоупотребил. Между тем, на наш взгляд, историческая роль социализма высока. Он, по сути, пригласил массы не только в историю, но в будущее. Отсюда такой небывалый, невиданный ранее оптимизм у миллионов людей, которые готовы были на подвиги, на самоотверженный труд. Наверное, не стоит исключать такую же «мобилизующую» роль социалистического идеала даже в условиях фашистской Германии (в период господства «национал-социализма»). Как отметил А. Д. Сахаров, «только социализм поднял значение труда до вершин нравственного подвига. Без социализма национальный эгоизм рождал колониальное угнетение, национализм и расизм. Но теперь уже видно, что победа – за общечеловеческим, интернациональным подходом»²³.

Другой вопрос, как определять те или иные исторические формы: «партийный социализм» в СССР (Бердяев), «поздний капитализм» (Джеймисон) и т.п. и место этих форм в истории. Но сводить к ним саму идейную конструкцию неразумно. В конце концов, дело не в этих понятиях. И даже не в поисках оптимальной модели организации общества в целом. В данном случае, я обращаю внимание на этическую сторону проблемы. Лишить человека оптимистичного взгляда на историю – значит лишить его ориентации во времени и пространстве, обречь на жалкое «растениеподобное» существование. На наш взгляд, «человек исторический» имеет целый ряд преимуществ над «человеком неисторическим». Первый изначально творческий («человек созидающий» по определению не может быть «неисторичным»), второй – может быть заменен роботом уже сегодня.

Именно поэтому об историческом оптимизме можно говорить как об этическом принципе историка. Наш профессиональный долг состоит в том, чтобы не сталкивать, а объединять людей (точнее – поколения людей), искать исторический материал не для раздоров, а для устойчивого движения вперед. Последнее тесно связано с проблемой наследования в культуре. Задача в этом случае не перебирать наследство, чтобы выбросить

²² Доманська С. 2012, 210.

²³ Сахаров А. Д. 1968.

ненужное, а, наоборот, искать нужное, актуализировать имеющийся символический капитал для решения возникающих проблем и обеспечения реализации намеченных целей. Также хочу заметить, что исторический оптимизм в данном случае это не просто вера в светлое будущее, которое непременно настанет. Это не просто мечты о будущем. Также речь не идет и о планах по «исправлению всего мирового строя» (это не «плоский оптимизм дарвинистической эпохи», как писал Шпенглер).

Исторический оптимизм, по нашему мнению, – это:

- взгляд, в соответствии с которым целенаправленные позитивные изменения возможны посредством объединения воли людей;

- убежденность в том, что наши познавательные возможности позволяют предложить программу позитивных перемен.

Да, в известном смысле, это может быть примерка приемлемых (для нас сегодняшних) футурологических конструкций (своего рода «идеальных типов»), и, соответственно, такая проекция позволит взглянуть на прошлое из будущего. Но эта «примерка» вполне может стать вариантом «мобилизации» исторического опыта для решения проблем современности, а главное – для соединения прошлого, настоящего и будущего. Для того, чтобы наполнилась смыслом жизнь каждого человека.

Таким образом, мы снова вернулись к целеполаганию историка. Историки нужны обществу. Любой опыт становится ценным для будущего, если рассмотреть его в соответствующей «позитивной проекции». Речь идет не об унификации подходов, а о тенденциях и перспективах, для начала об известной солидарности в рамках научного сообщества.

Исторический оптимизм имеет очень важное значение как дидактический принцип. Делая акцент на этом принципе как одной из основ формирования профессиональной этики (или хотя бы четко определяя в профессиональном сообществе то, что являет собою «дурной тон»), можно надеяться, что прошлое и широкими слоями населения станет восприниматься не как «тяжелый груз», а как «бесценный опыт». В этом плане идея создания «единого учебника по истории» видится бесперспективной. С помощью такого учебника не удастся выстроить «базовое знание» и осуществлять контроль за образованием и общественным мнением, как того хотят сторонники такой идеи. Более того, общественное обсуждение данной идеи приводит лишь к усилению негативных настроений по отношению к истории как таковой (прежде всего как знанию недостоверному, ангажированному), со всеми вытекающими из этого последствиями, а также конфронтации идей и движений, опирающихся на «свое» прошлое. Задача состоит в том, чтобы определить базовые принципы, на которых должны строиться преподавание и популяризация истории. Среди таких принципов, на наш взгляд, важнейшим является принцип исторического оптимизма.

IV. Оптимистические проекции истории.

- *Глобальная история.* Вообще, по существу, оптимистичной может быть только история всего человечества. Это понятно на примере исторических катастроф. «Преодоление катастрофы» легче происходит на глобальном уровне. И так было всегда: в Средневековье человек ждал установления Царства Божия на Земле, в эпоху Просвещения надеялся на построение Царства Разума, в индустриальную эпоху возникли известные теории общественного прогресса. Впрочем, все эти идеи помогали не только «налаживать жизнь» после трагедий, но просто жить.

Сегодня ведутся дискуссии о смысловом наполнении концептов «глобальная» и «всеобщая» история²⁴. Некоторые авторы идентифицируют «глобальную историю» с марксистской и даже советской историографической традицией и тем самым демонстрируют ее отсталость. Однако есть и другие взгляды. Так, по мнению Л. П. Репиной, современное направление пост-постмодерна развивает именно идеи глобальной истории²⁵. Она же считает, что «фактически в течение 1990-2000-х годов сформировалась новая научная

²⁴ См.: Ионов И. Н. 2012, 75.

²⁵ См. Репина Л. П. 2011, 134-162.

дисциплина – глобальная история («новая глобальная история»), опирающаяся на представление о когерентности мирового исторического процесса»²⁶. Но остается вопрос о предметной области этой дисциплины²⁷. Впрочем, не менее важна именно связь национальной и глобальной истории. При осмыслении истории национальной через призму глобальной, на наш взгляд, важно придерживаться того принципа, что первая не являет собой мобилизационный ракурс (против «других»), а всемирно-исторический (вместе с «другими»). То есть видеть взаимодействие не как противостояние, а как взаимовключение. Когда-то известный философ В. С. Соловьев уже обозначил такую логику: «Если кто высшей целью ставит благо своего народа, отдельно взятого, безотносительно к другим, то он, во-первых, отнимает у Добра существенный признак всеобщности и, следовательно, искажает саму цель; во-вторых, отделяя благо одного народа от блага других, тогда как они в действительности солидарно связаны, он искажает идею своего народа, а из этого двойного искажения следует, в-третьих, что такой человек может служить только искаженному народу, сообщая ему искаженное добро, т.е. он может служить только злу и, принося только вред своему отечеству, должен быть признан плохим патриотом. Добро обнимает собою все частности жизни, но само оно неделимо»²⁸. Упоминание Добра в данном случае весьма уместно, так как и в этом случае ракурс определен этикой.

Важную роль в понимании такого рода процессов некоторые исследователи отводят именно коммуникации. Как пишет И.Н. Ионов, «Глобальная этика является здесь не предпосылкой, а результатом диалога о самобытности и человеческой общности»²⁹. По его мнению, теперь при сохранении элементов линейно-стадиальной схемы все большую роль играет сетевая схема, а идеал перспективы сменяется идеалами многоголосья и симфонии (диалог цивилизаций). Если в первом случае внимание привлекают абстрактные, системно-структурные характеристики, то во втором случае каждый отдельный голос приобретает самоценность, а его восприятие и интерпретация, которой занимается прежде всего интеллектуальная история, становятся непременным условием реализации проекта глобальной истории³⁰. В этом случае коммуникативный идеал теснит идентификационный.

- *Национальная (региональная) история.* Оптимистичная проекция, по нашему мнению, возможна и на региональном уровне. О. Шпенглер считал, что только на этом уровне и возможно осознанное движение: «...сознаюсь, что касается «цели человечества», то я основательный и решительный пессимист. Осмысленное устремление жизни к какой-либо цели, единство души, воли и переживаний я усматриваю только в истории отдельных культур. Кто называет меня за это пессимистом, тот лишь обнаруживает всю будничность своего идеалистического прозябания»³¹. Культура (в т.ч. национальная культура) – это не есть что-то застывшее или раз и навсегда данное. Поэтому национальное, региональное, локальное – не означает единичное, целостное. В локальном есть своя множественность и отличия от глобального только в масштабе. Оптимистичной проекцией вполне может стать изучение диалога представителей разных субкультур (в рамках одной культуры) как между собой, так и с людьми из прошлого о ценностях. Но, безусловно, особенно важен диалог о ценностях, который ведется с учетом глобального контекста (хотя и ограниченного, так сказать «миром данной культуры»).

В настоящий момент в рамках национальной истории превалирует идентификационная функция. Но в том то и дело, что в условиях глобализации ее последовательная реализация приводит либо в «резервацию», либо на путь так называемых «самоколонизируемых культур» (когда осознание превосходства глобальных акторов

²⁶ Ретина Л. П. 2011, 548.

²⁷ Глобальная история связана с другими понятиями, такими как перекрестная и транснациональная истории. Об этом см.: Тоштендаль Р. 2012, 100-101.

²⁸ Соловьев В. С. 1988, 505.

²⁹ Ионов И. Н. 2012, 83.

³⁰ Ионов И. Н. 2012, 87.

³¹ Шпенглер О. 1991, 97.

порождает добровольный импорт чужих ценностей и цивилизационных моделей, и тем самым уничтожение собственной аутентичности)³².

Соответственно, через призму «оптимистичного диалога» можно сконцентрировать внимание на саморазвитии, т.е. имеющемся в «своем» распоряжении потенциале как основе для движения вперед, на наследии, но при этом вопрос о ценностях и ориентирах остается ключевым.

- *История конкретного человека.* Оптимистичная проекция истории возможна и необходима применительно к тому или иному поколению людей и даже отдельному человеку. Тема «смысла истории» для конкретного человека и персональной ответственности за *свою* историю в частном случае важнее любых (во многом абстрактных) «всеобщих историй». Разрыв с историей для конкретного человека представляет реальную трагедию. Как здесь не вспомнить Шекспира, а точнее, слова, которые он вложил в уста Гамлета: «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить!». О. Шпенглер писал о «...сознательном отношении к истории человека фаустовского типа...». Его размышления не утратили актуальности. Исторический оптимист – деятельный человек. Он стремится приблизить желаемое будущее, а не ищет оправданий для существующего положения вещей. В связи с этим, сам о себе Шпенглер заметил: «Я устыдился бы прожить жизнь с такими дешевыми идеалами... Нет, я не пессимист. Пессимист говорит: нет больше никаких задач. Я же вижу еще столько их нерешенных, что боюсь, хватит ли у нас времени и людей. Что же касается наших созерцателей и идеалистов, то они ищут лишь удобного мирозерцания, системы, которая обязывает только к внутренней убежденности, морального оправдания своего страха перед деятельностью. Они сидят по углам жизни и дебатируют; для того они ведь и рождены. Пусть же они там и останутся»³³.

Принцип исторического оптимизма позволяет внимательнее отнестись к представителям даже маргинальных субкультур, жизнь которых может обрести свои оптимистичные проекции. И, в заключение, заметим, что от оптимизма не останется и следа, если мы перестанем слышать голоса других людей, а только будем слушать самих себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А.А. 1990: Вопросы социализма: работы разных лет. М. Доступ: <http://teatr-lib.ru/Library/Bogdanov/sociolism/>.
2. Вжосек В. 2012: Культура и историческая истина. М.
3. Грицай Е., Николко М. 2009: Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. Вильнюс.
4. Грушевський М.С. 1991: Історія й її соціально-виховуюче значення // Грушевський М.С. Хто такі українці і чого вони хочуть. К.
5. Доманська Є. 2012: Історія та сучасна гуманітаристика. К.
6. Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. 2008: «Эмпириомонистический» марксизм А.А. Богданова: проблема идеологии // Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М. Доступ: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Marxism.html>.
7. Зашкільняк Л.О. 2007: Сучасна світова історіографія. – Львів.
8. Ионов И.Н. 2012: Глобальная история, универсальная этика и основания для оптимизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX – XXI вв. / О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева (ред.).М., 75-92.
9. Кнабе Г.С. 2006: Роман Умберто Эко «Маятник Фуко» и обязанность предупреждать // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. М.; СПб., 952-961.
10. Копелев Л. 1995: Будущее уже начинается. М.
11. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. 2-3. Доступ: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.

³² Грицай Е., Николко М. 2009, 180.

³³ Шпенглер О. 1991, 98.

12. Посохов С.И. 2013: «Своевременные размышления» о теориях памяти, типах культур и смыслах истории // Харківський історіографічний збірник. 12, 6-23.
13. Репина Л.П. 2011: Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. М..
14. Репина Л.П. 2007: Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. 21, 5-21.
15. Рюзен Й. 2001: Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 7, 8-25.
16. Сахаров А.Д. 1968: Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Доступ: http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress.html
17. Соловьев В.С. 1988: Собр. соч. : в 2 т. – Т. 2.
18. Топольський Є. 2012: Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної нації. К.
19. Тоштендаль Р. 2012: Профессионализм историков становится глобальным? // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX – XXI вв. / О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева (ред.). М., 93-109.
20. Шапинская Е.Н. 2012: Образ Другого в текстах культуры. М.
21. Шпенглер О. 1991: Пессимизм? // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. / А.О. Чубарьян (ред.). М, 90-101.